

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ТРУДЫ, т. СХХ

ПАМЯТИ
МИХАИЛА СТЕПАНОВИЧА
АНДРЕЕВА

СБОРНИК СТАТЕЙ
по истории и филологии
народов Средней Азии



ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
СТАЛИНАБАД
1960

А. МУХТАРОВ

НАДПИСИ НА СКАЛАХ И КАМНЯХ
В ВЕРХОВЬЯХ ЗЕРАВШАНА¹

В мае 1953 г. мы совершили поездку в Матчу с целью разыскать там сделанную на камне надпись Султана Бабура, о которой он упоминает в своих записках.² Помимо этой надписи, которая была найдена и опубликована,³ во время упомянутой поездки нами было обнаружено много других надписей на скалах и камнях, с части которых были сделаны эстампажи.

Мы не ставим перед собой задачи опубликовать все надписи, обнаруженные на скалах и камнях в верховьях Зеравшана, а хотим лишь дать о них общие сведения и отметить их значение как исторического источника с целью привлечения к ним внимания научной общественности.

При написании настоящей статьи нами, помимо материалов, собранных лично в долине Зеравшана, использован „Дневник, веденный во время Искандеркульской экспедиции на самаркандском таджикском наречии с 25 апреля по 27 июня 1870 г.“⁴.

Его автором является Мирза Мулла Абд-ар-Рахман, самаркандский таджик, который участвовал в экспедиции в качестве переводчика и вел дневник по поручению и по программе, составленной А. Л. Куном (1840—1888). „Дневник“ имеет приложение и предисловие (последнее написано по-русски А. Л. Куном, так же как и некоторые пояснения к приложению). Приложение содержит тексты надписей на скалах, придорожных камнях, на стенах зданий (мечетей и пр.) по пути следования экспедиции, а также тексты надгробных надписей.

Все эти надписи в основном были обнаружены на территории Фальгара и Матчи (современный Айнинский район)⁵.

¹ Часть настоящей статьи была зачитана на Первой всесоюзной конференции востоковедов (см. Материалы Первой всесоюзной научной конференции востоковедов в Ташкенте 4—11 июня 1957 г., Ташкент, 1958, стр. 668—674).

² Бабер-намэ, изд. Н. И[льминского], Казань, 1857, стр. 120—121.

³ А. Мухтаров, Надпись Султана Захируддина Бабура (1483—1530) на камне в Матче, Изв. Отд. обществ. наук АН Таджикской ССР, в. 5, 1954, стр. 109—115.

⁴ См. Н. Д. Миклухо-Маклай, Описание таджикских и персидских рукописей Института востоковедения [АН СССР], Изд. АН СССР, М.—Л., 1955, стр. 100—102 (мы воспользовались фотокопией рукописи, которая хранится в Институте языка и литературы АН Таджикской ССР).

⁵ Указом Президиума Верховного Совета Таджикской ССР от 27 ноября 1956 г. в связи с переселением всех колхозов Матчи на вновь осваиваемый Дальварзинский массив (к западу от г. Ленибада) название Матчинского района присвоено вновь организованному там району, а территория б. Матчинского района (собственно Матча) вошла в состав современного Айнинского района.

В „Дневнике“, написанном от руки, приводятся только тексты надписей без их оттисков или эстампажей А. Л. Кун в предисловии отмечает, что оттиски не делались из-за неудобства останавливаться на узкой тропе, по которой по одному человеку шел отряд экспедиции. Ввиду этого в приведенных в „Дневнике“ текстах надписей встречаются смысловые и орфографические ошибки. К сожалению, во время поездки в Матчу для поисков надписи Бабура мы не знали содержания „Дневника“ и поэтому не имели возможности заняться розысками и выверкой приведенных в „Дневнике“ надписей. Однако ряд этих надписей был выявлен нами, и наши материалы дают возможность уточнения текста некоторых надписей, содержащихся в „Дневнике“.

Все надписи, приведенные в „Дневнике“, за исключением одной, скопированы на территории верхнего Фальгара, от сел. Варзи-Минор (современный районный центр Айни) и выше по течению Зеравшана до предпоследних кишлаков Матчи, расположенных вблизи Зеравшанского ледника. Данная территория является одной из рано заселенных местностей Таджикистана. На ней сохранился ряд крепостей, которые, как правило, расположены в узловых пунктах путей сообщений, на их перекрестках, на дорогах, ведущих на перевалы, на переправах и т. д. Часть этих крепостей основана еще до завоевания арабами Средней Азии и прекратила свое существование непосредственно после него, либо еще до него. В топонимике верховьев Зеравшана встречается много терминов, связанных также с доисламским периодом истории этого края.¹

Известно, что в позднем средневековье вплоть до присоединения долины Зеравшана к России (1870 г.) здесь правили миры, подчиненные одному из более сильных соседних владений. Так, например, судя по ярлыкам, собранным нами в Матче, в XVII—XVIII вв. правители Матчи подчинялись ура-тюбинскому владельцу. В начале XIX в. верховья Зеравшана были завоеваны бухарским эмиром Хайдаром (1800—1826) и до присоединения к России входили в состав Бухарского эмирата.

Фальгар и Матча издревле были заселены только таджиками, и в топонимике этих районов почти полностью отсутствуют тюркские элементы. Явление это закономерно. Районы верховий Зеравшана до настоящего времени почти не подверглись влиянию тюркоязычных народов.²

Все выявленные в долине Зеравшана надписи можно разделить на три категории: 1) надписи, высеченные на скалах и камнях; 2) надписи на стенах крепостей и частных домов; 3) надгробные надписи на мазарах и кладбищах.

Всех надписей первой категории, высеченных на скалах и камнях—как приведенных в „Дневнике“, так и собранных нами—выявлено около пятидесяти. Они различны по размеру, содержанию, времени нанесения, почерку.

В большинстве надписей в конце вырезаны даты, а часто и имя резчика. Самая ранняя надпись датируется 791/1388—1389 г., она приведена в „Дневнике“, самая поздняя—1335/1916—1917 г., она зафиксирована нами (рис. 32, б). В четырех случаях даты не удалось установить, так как они сохранились фрагментарно.

Содержание надписей на скалах и камнях составляют стихи не известных нам народных поэтов, стихи классиков таджикской литера-

¹ О. И. Смирнова, Историческая топография верхнего Зеравшана, МИА, № 15, М.—Л., 1950, стр. 66.

² О. И. Смирнова, ук. соч., стр. 66.

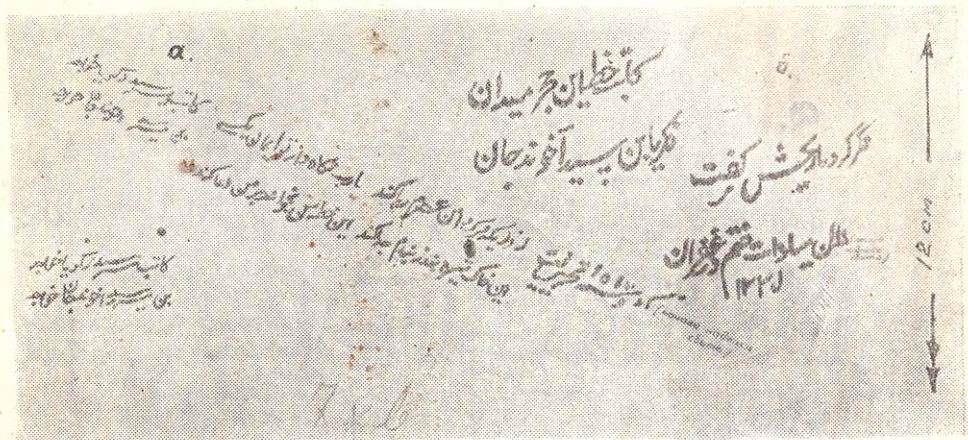


Рис. 32. Надпись на камне в доме Шамсуддина Хаджи из кишл. Оббурдон (1017/1608—1609; 1335/1916—1917).

туры (Саъди, Хаяма, Хафиза, Бедия), стихи из корана, имена людей, даты. Иногда на тех же камнях бывают высечены изображения различных животных, но чаще они встречаются отдельно.¹

Иногда на одном камне встречаются надписи разных годов, выполненные различными почерками, на разных языках—таджикском и арабском. Например, на камне, находящемся на правом берегу Зеравшана, километра на 2 ниже сел. Оббурдон, высечено четыре разных надписи. Первая из них, в правом верхнем углу (рис. 33 б), датирована 863/1458—1459 г. Высеченная влево от нее другая надпись на арабском языке датирована 952/1545—1546 г. (рис. 33 а, в). В том же месте на другой скале вырезаны две надписи, которые отличаются друг от друга по почерку и содержанию. Одна из этих надписей—без даты и имени резчика (рис. 34 а), под второй имеется дата 1046/1636—1637 г. и имя резчика—„ничтожный Якуб, ибн Мухаммад-шах Оббурдони“ (рис. 34 в)².

Надписи на скалах встречаются преимущественно возле действующих или пересохших родников, по бокам проезжих дорог—очевидно с целью, чтобы путники или отдыхающие у родников люди могли их прочитать. Чаще всего надписи встречаются не одиночно, а по нескольку в одном месте. Так, например, по нескольку надписей имеется на камнях на восточной и западной окраинах кишл. Оббурдон, в кишл. Шамтич и Вишаб.

Иногда надписи одного содержания встречаются по два и более раза в разных местах, расположенных друг от друга на некотором расстоянии, и имеют разные даты. Например, надпись هزار شوهر ميکنی حالات باد (Если ты выйдешь замуж тысячу раз, да будет те-

¹ Наскальные изображения животных, особенно горных козлов, очень распространены в горном Таджикистане, в частности в долине Зеравшана. См. А. Н. Д а л ь с к и й, Наскальные изображения Таджикистана, Изв. Всес. геогр. общ., т. 81, в. 2, 1949; он же, Наскальные изображения в бассейне р. Зеравшан, Тр. СТАЭ, т. 1, МИА, в. 15, М.—Л., 1950; А. М. М а н д е л ь ш т а м, Несколько замечаний о наскальных изображениях бассейна Верхнего Зеравшана, Сб. статей, посвященных искусству таджикского народа, Тр. АН Таджикской ССР, т. XLII, Сталинабад, 1956.

² Текст этой надписи приведен и в „Дневнике“, однако, там во второй строке в имени резчика отсутствует слово „шах“.

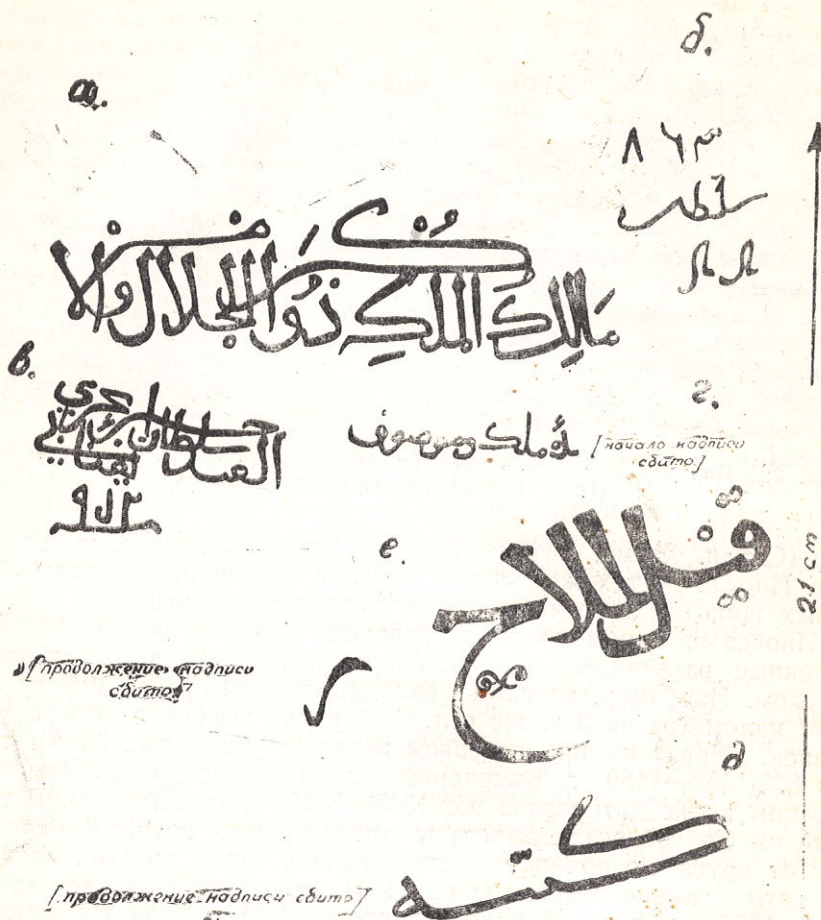


Рис. 33. Надписи на скале между кишл. Оббурдон и Шамтич (на границе Матчи-Фальгара) (863/1458—1459; 952/1545—1546).

бе это дозволено!) высечена один раз в 977/1569—1570 г. на скалах перед кишл. Шамтич, а второй раз—в 1190/1776—1777 г. на скалах между кишл. Остонак и Вишаб.¹

Другая надпись, встречающаяся в двух местах,—это стихи Бедилья:

یک قدم راهست بیدل از تو تا دامن خاک بر سر مژگان چو اشک
 استاده هوشیار باش (Один шаг пути, Бедилья, от тебя до могилы; как
 слезинка на реснице стоишь ты (на нем)—будь осторожен!).² Надпись вырезана на скале на левом берегу р. Зеравшан, против кишл. Шамтич, расположенного на правом берегу. Дату этой надписи установить невозможно. В „Дневнике“ под ней стоит цифра „127.“ Второй раз этот же стих Бедилья вырезан на камне между кишл. Ривомутк и

¹ Цит. по „Дневнику“.

² Там же.

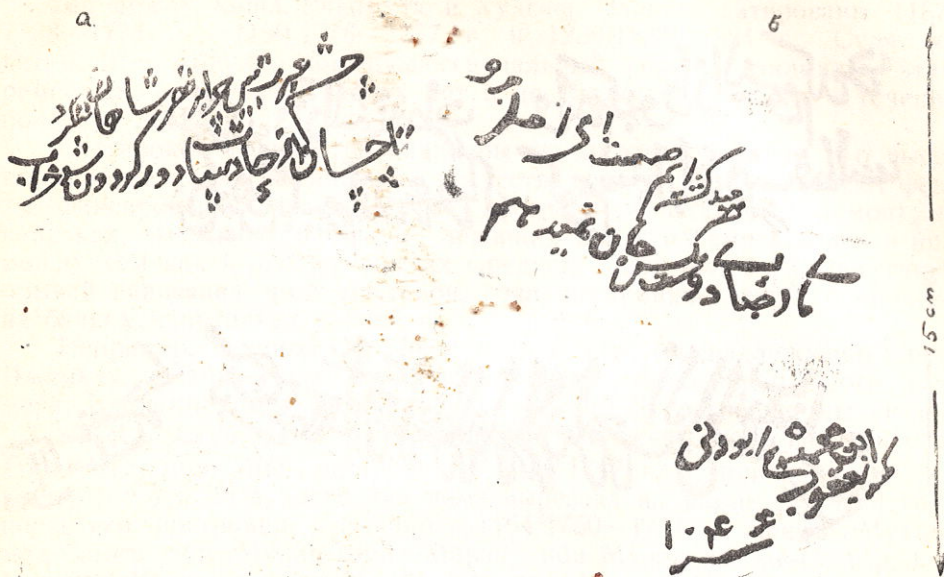


Рис. 34. Надпись на скале между кишлаками Оббурдон и Шамтич (1046/1636—1637).

Худгиф. Под надписью стоит дата 1237/1823—1824 г. и имя резчика — „Шох Абдулло“¹.

По сообщению Н. Г. Маллицкого, эту надпись можно встретить в труднопроходимых местах горных троп и на карнизах, где она как бы напоминала путнику об угрожающих его жизни опасностях. Этот факт подтверждается содержанием стихов Бедилия, где поэт, действительно, высказывает мысль, что человеческая жизнь всегда находится под угрозой и что надо остерегаться всего, что встречается на жизненном пути. Стихи такого содержания, предупреждающие человека или молящие бога о помощи, можно встретить на опасных тропах и в других местах, например, на Памире.

Как отмечалось выше, под надписями на скалах, помимо даты, бывают вырезаны и имена людей, по-видимому, резчиков. Имена вырезаны всего под 35 надписями (как нашими, так и из „Дневника“). Иногда одни и те же имена встречаются по два раза и более. Например, имя Ходжа-Махмуд встречается два раза под надписями, вырезанными им на скалах между кишл. Вишаб и Шаватки.-Боло в 803/1400—1401 г. Дважды встречается и имя Ал-Абду Султан Бахри Ягноби. Одна из его надписей—меньшая (рис. 33 а и в) находится на границе Матчи и Фальгара, в 2 км к западу от кишл. Оббурдон, вторая—большая (рис. 35)—на востоке того же кишлака, на перекрест-

¹ Эту же надпись мы встречаем у Н. Г. Маллицкого, который приводит ее только в русском переводе: „От тебя до могильной земли один шаг. Будь осторожен, как слезинка на веке“ (Учебное пособие по географии Таджикистана, стр. 93). Н. Г. Маллицкий здесь не говорит, что эти стихи принадлежат Бедилию, и даже имя поэта, как видно из приведенного перевода, из первой строки стихотворения им опущено. Еще в 1900 г. академик В. В. Бартольд в своем письме к Н. П. Остроумову писал о работах Н. Г. Маллицкого по наскальным надписям, что у него „в переводе и толковании много сомнительного, много и прямо ошибочного“ (В. Шахматов, Ф. Киреев, Из неопубликованных писем русских востоковедов, Вестн. АН Казахской ССР, Алма-Ата, 1954, № 10, стр. 98).

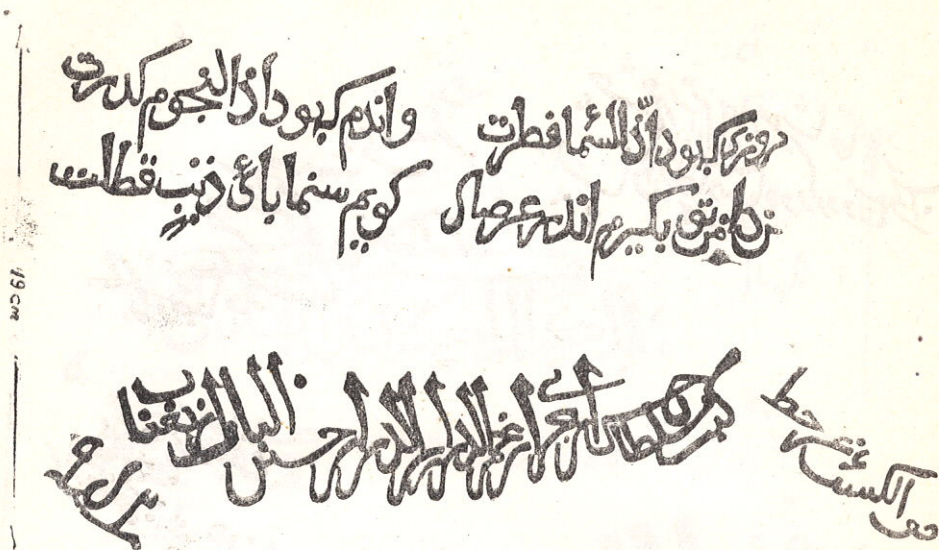


Рис. 35. Надпись на камне на перекрестке дорог к востоку от кишл. Оббурдон (952/1545—1546).

ке дорог, идущих из Оббурдона в кишл. Пастигав и из Ура-Тюбе в Оббурдон через перевал. Камень с этой надписью лежал на берегу сая, впадающего в Зеравшан, возле ныне не существующего моста. Эта надпись дает более полный перечень предков резчика—Султан Хасан ибн Араби, ибн. Наджм-ал-дин, ибн... (неразборчиво) ал-дин, ибн Хусейн ал-Боб аз Ягноб. Обе надписи вырезаны в один год—952/1545—1546 г..

В XVI—XVII вв. в Кухистане в надписях было широко распространено имя Мирак, встречающееся с различной датировкой на территории нескольких кишлаков. Самая ранняя датировка надписи с именем Мирак относится к 913/1507—1508 г. Она встречается под одной из десяти надписей, записанных в „Дневнике“ на территории Матчи, между кишл. Ривомутк и Худгиф. Надпись вырезана на арабском языке, в конце мы читаем „Мирак ибн Шох“.

Другой раз это имя встречается в надписях кишл. Шамтич. В этом кишлаке на одной скале на арабском и таджикском языках Мирак вырезал стих из корана и другие стихи. Надпись датирована 977/1569—1570 г. В третий раз это имя встречается в том же кишлаке в доме некоего муллы Рахматуллы, где Мирак написал на камне рубои (четверостишие). Надпись датирована тем же 977/1569—1570 г. Так как обе надписи датированы одним годом и находятся в одном кишлаке, то можно думать, что их автором был один и тот же Мирак—резчик XVI в.

Под одной из трех надписей на скалах между кишл. Остонак и Вишаб стоит имя Мирак ибн Мир-Саид-Шариф и дата 1157/1744—1745 г. Это уже резчик, живший в XVIII в. Под другой надписью (не датированной) стоит имя Мир-Саид-Шариф, т. е. имя отца Мирака. Все сказанное дает основание считать, что специальность резчика передавалась от поколения к поколению.

Резчиком конца XVIII и начала XIX вв. был Шох-Абдулло, имя которого встречается трижды—один раз под третьей надписью между

выше упомянутыми кишл. Остонак и Вишаб и два раза под надписями между кишл. Ривомутк и Худгиф. Надписи датированы 1187/1773—1774 г., 1190/1776—1777 г. и 1239/1823—1824 г.. Судя по датам, Шох-Абдулло как профессиональный резчик занимался этим ремеслом, очевидно, с малых лет и до глубокой старости, в течение более 50 лет.

О широком распространении обычая писать на камнях и о высоком уровне каллиграфического искусства горцев свидетельствуют факты фиксирования дат отдельных построек (в частности, домов) на кайраках, вмозанных в цоколь, лежащих под столбами айванов и пр., между тем как в других местах Средней Азии более распространен обычай написания имен мастеров, года постройки зданий и прочего на балках и потолках зданий.

Например, в кишл. Оббурдон в доме, ныне принадлежащем Саид-Джамалу, на айване под колонной имеется камень небольшого размера. На камне вырезана надпись (рис. 36). В заглавии мы читаем *تاریخ بنای حولی* „Дата постройки дома“. В тексте этой надписи сказано, что дом был построен в 1160/1747 г. и принадлежал некоему Якубу. Дата постройки дома вырезана на камне спустя 4 года после его постройки, а именно в 1164/1750—1751 г. неким „Мухаммед-Самеъ ибн Мулло-Шейх-Мирак, ибн Мулло-Абд-ас-Саттор, ибн Мавлоно-Мухаммад-Латиф, ибн Мавлоно-Зухур Оббурдони“.

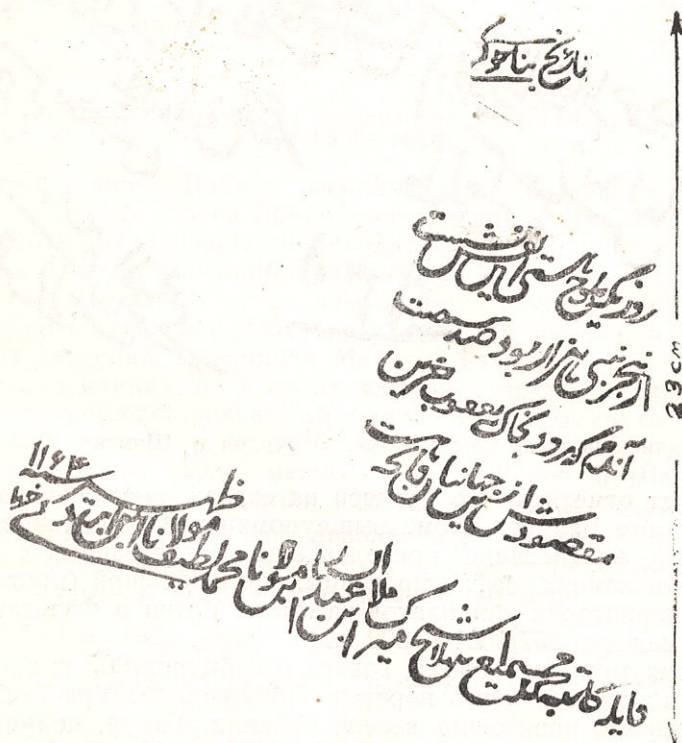


Рис. 36. Надпись на камне в доме Саид-Джамала из кишл. Оббурдон (1164/1750—1751).

В этом и в ряде других случаев после имени резчика прибавлено название кишлака, откуда родом происходил резчик. В большинстве

случаев эта нисба относится к местностям верховьев Зеравшана, например, Ягнобй, Оббурдон, Гузни, Хадишахри, Шамтич и т. д. Только в двух надписях, относящихся к XVI в., встречаются названия Кошонй и Бухорй. Названия кишлаков верховьев Зеравшана в нисбах свидетельствуют о том, что искусство письма на камнях было присуще местным специалистам, что это искусство было само-бытным для ягнобцев, фальгарцев и матчинцев, что здесь оно начало развиваться с XI в. и наибольшее развитие получило в XV—XVII вв. Судя по нисбам, центром, где это искусство больше всего развивалось, был последний (вверх по течению Зеравшана) кишлак на территории Фальгара—Шамтич и первый кишлак Матчи—Оббурдон.

Широкое распространение письма на скалах и кайраках позволяет предположить, что резчики надписей, очевидно, имелись во всех крупных населенных пунктах долины Зеравшана. Кроме профессиональных резчиков, по-видимому, многие горцы овладевали этим искусством самоучкой и подражали мастерам-профессионалам, хотя и не достигали их уровня (рис. 37 и 38). Писать на камнях в Матче и Фальгаре вошло в обычай, о широком распространении которого в средние века свидетельствуют слова Бабура: „В этих горах (в Матче—А. М.) есть обычай писать на камнях стихи и прочее.“¹

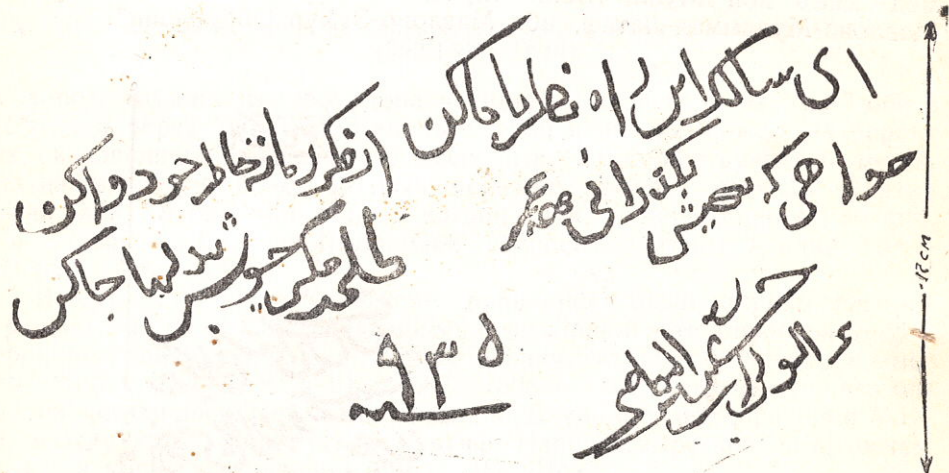


Рис. 37. Надпись на скале между кишлаков Оббурдон и Шамтич (907/1501—1502 г.)

Следует отметить, что надписи на скалах дают некоторые сведения и о самом Бабуре. Кроме вышеупомянутой опубликованной нами его надписи, в „Дневнике“ приведен еще ряд связанных с его именем надписей на камнях, зафиксированных на небольшой (протяженностью 5—6 км) территории у кишлаков на стыке Матчи и Фальгара. Датированы эти надписи 907/1501—1502 г.

В своих мемуарах Бабура, говоря о событиях 907 г. х., пишет, что он дважды перешел через перевал Оббурдон из Ура-Тюбе в Матчу. Первый раз это произошло весной 907 г. х. Бабура, получив известие о приближении Шейбани-хана (1500—1510) к Ура-Тюбе, переходит в Матчу. По его словам, когда Шейбани-хан после бесчинств в окрестностях Ура-Тюбе ушел обратно, он, оставив своих домочадцев в Мат-

¹ Бабер-намэ, изд. Н. И [льминского], стр. 121.

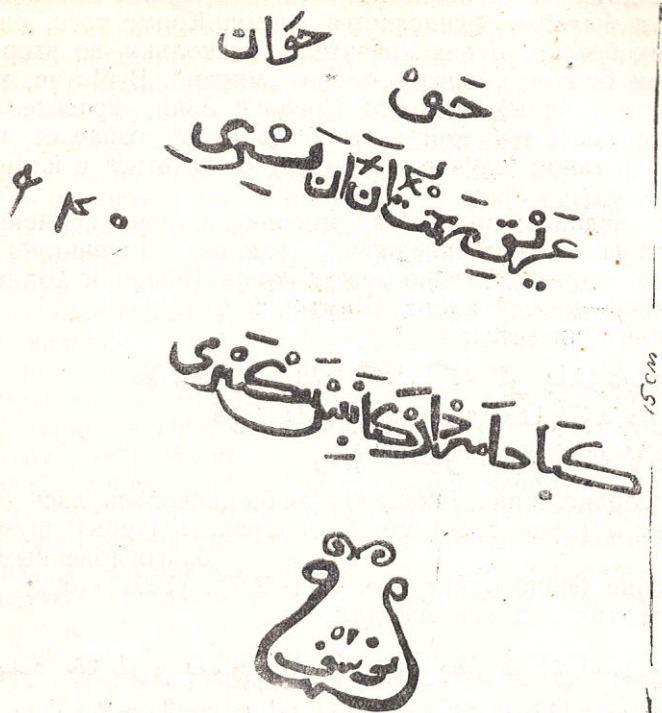


Рис. 38. Наскальная надпись между кишл. Оббурдон и Шамтич (940/1533—1534).

че, вернулся в кишл. Дахкат, расположенный на южном склоне Туркестанского хребта. Здесь Бабур твердо решил, что поедет к хану в Ташкент. Поэтому он вновь переходит через вышеупомянутый перевал в Матчу за своими приближенными, с которыми вскоре идет в Ташкент.¹ Из этого сообщения нам остается неизвестным, сколько месяцев Бабур оставался в Матче, кто его там принял, и т. д. Кроме небольших сведений о границах Матчи и Фальгара и об обычаях горцев писать на камнях, он в своих мемуарах других сведений об этом не дает. Он сообщает только об одной вышеупомянутой своей надписи.

Между тем, на скале между кишл. Вишаб и Шамтич имеется следующая надпись с датой: **فی ایام سلطنت بابرخان خلد الله** т. е. „В дни правления Бобур-хана, да увековечит аллах его царствование. Год 907“ (1501—1502 гг.). Другая надпись вырезана на камне одного кладбища кишл. Шамтич:

**کافرا مردم شکارا یک زمان اهسته تر کاهوی بیچاره را با تیرپیکان
کار نست کتبه میرم بابرخان خلد الله ملکه سلطانه**

т. е. „О, неверный, охотящийся за людьми, (будь) на время осторожным. Ведь бедной дикой козе нет дела до острия стрелы.“

Написал это мой мир Бобур-хан, да увековечит аллах его царствование и власть“.

¹ Бабер-намэ. изд. Н. И[льминского], стр. 122.

Из этих двух надписей выясняется, что время нахождения Бабура в Матче и Фальгаре исчисляется днями. Кроме того, он здесь побывал не как беглец, а как правитель, поскольку во второй надписи перед именем Бабура вырезано слово „мирам“. В Матче, как и в некоторых других горных районах Средней Азии, правителя называют „мир“. Но может быть здесь слово „мирам“ означает какую-либо должность и в таком случае оно должно читаться с изафатом—„мирам-и-Бобур-хон“.

Еще две надписи, по нашему мнению, связаны с именем Бабура. Одна из них (т. е. третья надпись), судя по „Дневнику“, находится возле первой надписи, именно между кишл. Вишаб и Шамтич, а четвертая надпись—между кишл. Шамтич и Оббурдан.

3-я надпись читается:

دلا معاش چنان کن که گر بلغزد پای
فرشته ات بدو دست دعا نکه دارد
رقم الفقیر میرم سنه ۹۰۷

т. е. „О сердце, живи так, чтоб если бы поскользнулась (твоя) нога, Твой ангел (хранитель) мог бы сохранить (тебя) двумя (своими) благословенными руками.¹“

Начертание бедного Мирама. Год 907“. (1501—1502)
На четвертой надписи мы читаем:

بهیچ یار مده خاطر و بهیچ دیار که برو بحر فر اقا است و آدمی بسیار
گرت دل از بد یع الجمال پیش آید بوبین بکزرو خاطر بهیچ کس میار
کمینه میرم

т. е. „Не привязывайся ни к какому другу и ни к какой стране, Ибо суша и море разлучены, а человечество многочисленно.“

И если твое сердце происходит от творца красоты, Ты посмотри (на все это и) проходи, ни о ком не вспоминая. Ничтожный мой мир.“

Приписывая последние две надписи Бабуру, мы исходили, во-первых, из того, что они вырезаны почти на одном месте с другими надписями Бабура, во-вторых,—из подписи, которая вырезана под каждой из надписей,—упомянутому выше слову „мирам“ („мой мир“). Во всех других известных нам надписях это слово не встречается. И наконец, дата одной из этих надписей (907 г. х.) сходится с датой другой надписи и со временем прихода Бабура в Матчу. Как выше отмечено, Бабур об этих четырех надписях в своих мемуарах ничего не говорит. Бабур сообщает только об одной из пяти надписей, которую, очевидно, он сам лично вырезал на камне у источника в Оббурдоне. Из стихов трех надписей, вырезанных на скалах по приказанию Бабура, стихи третьей принадлежат Хафизу, а четвертой—Саъди. Авторы других пока не установлены. По крайней мере, два других стихотворения не могли принадлежать Бабуру, ибо в 907 г. х. в возрасте 18 лет он еще не владел искусством стихосложения. Он сам пишет, что только после возвращения из Матчи в Ташкент он сочинил одно рубои, что у не-

¹ Стихи принадлежат Хафизу, второе слово в первой строке в „Дневнике“ приводится ошибочно (вместо *معاش* написано *مباش*). См. Сборник стихотворений Хафиза, Лакнау, 1893, стр. 174.

го были сомнения относительно употребленной в нем рифмы и что в то время он „не особенно усердно изучал правила стихотворства“.¹ Уже после возвращения в Ташкент однажды в пути из Ташкента в Ура-Тюбе Бабур заканчивает одну газель, о которой пишет: „Это была первая газель, которую я записал до конца“.²

Не владея тогда искусством стихосложения, Бабур обращался к Саъди, Хафизу и, возможно, к другим поэтам. Это говорит о том, что уже в молодости Бабур хорошо знал творчество великих мастеров-стихотворцев и учился у них.

Таким образом, в верховьях Зеравшана, вокруг кишл. Шамтич, Вишаб и Оббурдон имеется пять надписей, связанных с именем Бабура. Из них на таджикском языке стихами вырезаны четыре надписи. Две надписи датируются 907/1501—1502 г., одна надпись (опубликованная нами ранее)—917/1511—1512 г. и две надписи—без даты. Из четырех стихотворений два принадлежат Саъди, одно—Хафизу и одно—неизвестному поэту. Все это свидетельствует о том, что, будучи в Матче, Бабур объездил ряд кишлаков Матчи и Фальгара, ознакомился с искусством горцев вырезать надписи и сам увлекся этим делом, сам лично и другие лица по его приказанию вырезали ряд надписей на скалах, оставив память о своем пребывании в этих горах. При специальном и тщательном изучении территории вышеупомянутых кишлаков и всего маршрута Бабура, возможно, обнаружатся новые надписи с его именем.

Таким образом, содержание зеравшанских наскальных надписей различно. Из поэтических образцов можно встретить рубои, выдержки из больших поэтических произведений и отдельные байты. Кроме того, встречаются стихи из корана, хадисы, поучения и наставления.

Надписи бывают вырезаны на камнях разными почерками. Среди скопированных нами имеются написанные почерком сульс, таълик, насх и настаълик. Надписей куфическим письмом мы не встретили.

Некоторые надписи исполнялись более сложным приемом—они крупного размера и напоминают собой рельефные надписи. Часть из них настолько красиво вырезана, что А. Л. Кун не верил, что в горах Матчи и Фальгара в XV—XVI вв. могли быть такие искусные мастера. В предисловии к „Дневнику“ он писал: „Для меня кажется даже сомнительным на некоторых года надписей“. Несмотря на свое сомнение, А. Л. Кун по другим историческим находкам—осколкам глиняной посуды в том же предисловии вынужден признать, „что в этом крае когда-то жизнь была более развита“.

Наряду с прекрасными образцами каллиграфического искусства встречаются и надписи, выполненные обычной скорописью, нередко с грамматическими ошибками. Последние следует, по-видимому, отнести за счет каллиграфа, а не резчика, который обычно очень хорошо справлялся со своей частью работы. Например, в надписи, скопированной нами на скале между Фальгаром и Матчей (рис. 34 а), мы читаем:

چشم عبرت بین چرا برقصر شاهان ننکرد تاچسان از حادسات دور گردون

شد خراب, т. е. „Почему не смотрят глаза, способные научиться на примере других, на дворцы царей, чтобы (увидеть), как они (дворцы) разрушились от событий круговращения небес“.

Во второй строке этой надписи в слове *حادسات* вместо буквы *ث*

¹ Бабер-наме; стр. 121.

² Там же.

(се) вырезана буква *س* (син). Аналогичные ошибки встречаются и в других надписях.

В некоторых случаях ради сохранения формы стиха в надписях сознательно опущены некоторые буквы. Так, надпись на восточной окраине кишл. Оббурдон (на перекрестке дорог) содержит вольнодумное стихотворение, в которое входят стихи из корана (рис. 35):

روزی که بود اذ(ا) السماء (اذ) فطرت
واندم که بود اذ(ا) النجوم (اذ) کدرت
من دامن تو بکیرم اندر عرصات
گویم صنما (صنما) بای ذنب قطلت (قتلت) (вм.)

т. е. „В тот день, когда небеса расторгнутся,¹
В тот момент, когда звезды померкнут,²
Я буду держаться за твой подол на равнине (страшного суда)
(И) скажу: О, мой кумир, за какой грех она (моя душа)
убита?“³

В этой надписи также допущены орфографические ошибки. Например, в последней строке слово *صنما* начинается буквой „син“ вместо „сад“ и в слове *قتلت* вместо буквы „те“ вырезана буква „та“.

Почерк надписи несколько отличается от вырезанной под ней надписи резчика. Надпись сделана насхом с сохранением некоторых черт таълика (что особенно заметно в третьей строке), имя резчика вырезано таъликом. Овалы букв „айн“, „гайн“, „вав“, „сад“, „та“ в тексте надписи очень укрупнены и венчания стволов высоких букв („ляма“ и „алифа“) отличаются от таковых же в имени резчика. Если венчания „лам“—„алифа“ в надписи имеют наклоны влево, то в имени резчика они наклонены вправо.⁴ Помимо этого, стихи надписи вырезаны с соответствующими знаками при буквах, а в имени резчика таковые имеются только в 6 случаях.

Специфику надписи составляют слитные начертания несоединяемых букв—конечного „нун“ и „те“ с „алифом“ (3-я строка).⁵ Аналогичное соединение букв мы встречаем в упоминавшейся надписи, датированной 863/1458—1459 г. (рис. 33 б). Своеобразное написание в ней букв в соединении с „алифом“ дешифровано в „Дневнике“ как „йай“ и прочитано *سلطان بای بای* (Султан-бой-бой).

Переходя к надписям на стенах домов, крепостей, мечетей и т. д., следует оговориться, что материалы для этого мы находим только в

¹ Сура 82, стих 1.

² Сура 81, стих 2.

³ Сура 81, стих 9; в одном из сборников четверостиший Омар Хаяма эти же стихи, приписанные Хаяму, мы читаем:

روزیکه شود اذالسماء الشفقت
واندم که شود اذالنجوم الکدرت
من دامن تو بکیرم اندر سئلت
گویم صنما بای ذنب قتلت
رباعیات حکیم عمر خیام نیشاپوری
Истамбул, 1319/1901, стр. 18).

⁴ Аналогичное венчание „лам“—„алифа“ мы встречаем на надписи с именем Бадр-ад-Дина Лулу на бронзовом подсвечнике. Хотя буквы на нем имеют более стройный вид, но по технике исполнения они мало отличаются от букв матчинских надписей на камнях (см. Гюзальян, Надпись с именем Бадр-ад-Дина Лулу на бронзовом подсвечнике Государственного Эрмитажа, Эпиграфика Востока, II, М.—Л., 1948, стр. 76—82).

⁵ Ввиду большого количества всех надписей мы не вдаемся в большую детализацию.

„Дневнике“, который, как отмечалось, не лишен погрешностей. Перед каждой надписью в „Дневнике“ арабским шрифтом на таджикском языке указано, где и на чем она вырезана. Если она встречена в доме, то приводится имя его владельца и т. д. Эти данные переведены А. Л. Куном на русский язык. В некоторых случаях перевод страдает неточностями. Например, в трех случаях на таджикском языке написано, что эти надписи вырезаны на камнях, находящихся в кишл. Шамтич в домах Муллы Рахматуллы, Муллы Мухаммеда и Мир Мухаммеда, а в русском переводе говорится, что они написаны на стенах домов. Остается неясным, где же они были написаны.

Для всех остальных настенных надписей дан общий заголовок: „Надписи в бековских домах, бывших в крепостях“. Ниже этого упоминаются крепости в кишл. Урмитан, Варзи-Минор, Кштут и мечеть в западной части последнего кишлака. В каждом из этих пунктов встречается по несколько надписей. Большинство их, за исключением трех, не датировано. Одна надпись в крепости Варзи-Минор датируется 1257 (1841—1842 г.). Две других надписи в вышеупомянутой мечети кишл. Кштут датированы 1287/1870—1871 г. Почти под всеми надписями написаны имена мастеров-наккошей. Среди них под одной из надписей в урмитанской крепости после имени названа занимаемая этим лицом должность:

رقم ملا عبدالرحمن بيك جباجي

т. е. „Начертание Муллы Абдур-Рахман-бека джебачи“.

Некоторые имена наккошей встречаются по два и более раз. Например, имя Ахмед-Ходжи из Варзи-Минора—три раза, причем все три надписи датированы сороковыми годами XIX в. имя Мирзо-Турди из Кштута—два раза; имя Азиз-Ходжи из того же Варзи-Минора—три раза. Примерное время жизни последних двух из-за отсутствия дат остается неизвестным.

Хотя надпись с именем Азиз-Ходжи встречается на стенах крепости Варзи-Минор, расположенной на территории Фальгара, он сам, судя по двум надписям, происходил из кишл. Хади-Шахр, находящегося на территории Матчи. Этот факт может свидетельствовать о том, что хотя копии матчинских надписей на стенах домов или крепостей в „Дневнике“ отсутствуют, тем не менее, и в Матче были свои специалисты-наккоши.

По своему содержанию настенные надписи отличаются друг от друга и имеют различные значения. Содержание большинства из них сводится к одному—о непостоянстве этого мира, о бесцельности жизни людей и безнадежности человеческой мечты и т. п. Кроме того, в этих надписях народ выражал свои чаяния, думы, сетовал на бесправное положение, скитание в поисках куска хлеба и т. д. Например, на стене Урмитанской крепости среди прочих надписей мы читаем:

ازخانه برآمدیم اهی کردیم سوی وطن پدر نگاه کردیم
گل‌های وطن پدر شکفتن کیرد بی عقل بدیم خود را مسافر کردیم

т. е. „Мы вышли из дома (и) вздохнули,
В сторону отцовской родины посмотрели,
Цветы отцовской родины расцветают,

А мы (оказываемся) потеряли рассудок, стали скитальцами“.

Или же на стене мечети Кштутской крепости вышеупомянутым Мирзо-Турди написано:

عمرم گزشت برگندگی زد بردل من زنده گی
 مردم چون از زندگی یاب گناه من چه بود
 مردم همه حیران شدند از دست نان گیریان شدند
 از گشته گی سرسان شدند یا رب گناه من چه بود

т. е. „Жизнь моя прошла скверно,
 Жить мне надоело,
 Скончался я от (такой) жизни,
 О, боже! В чем же моя вина?
 Люди все оцепенели,
 Из-за (отсутствия) хлеба плакали,
 От голода (они) скитались,
 О, боже! В чем же моя вина?“

Другие стихи на стене мечети написаны тем же лицом (с погрешностями против метра в первой и второй строках):

خیز بیرون کن تو از دل این کردار وطن
 سخت تاثیر کرد بر من غریبیت آباد وطن
 در غر یبی قدر صاحب جوهر افزون میشود
 چون گهر تا چند جا در ظلمت اباد وطن

т. е. „Встань и выкинь из сердца такое обхождение родины!
 Произвело на меня сильное впечатление удаление от цветущей родины.
 На чужбине увеличивается ценность обладателя жемчуга,
 Как (некий) драгоценный камень, (светящийся) в нескольких местах во мраке дорогой родины.“

Стихи аналогичного содержания мы встречаем и на скалах. Например:

دریغ عمر که بی روی بوستان گزرد
 خوشا غمی که بیاران مهربان گزرد

т. е. „Печальна жизнь, которая проходит без лицемерия друзей!
 Даже горе отрадно, если оно переживается с любезными друзьями!“¹

Или:

یادگار از ما درین منزل غم بسیار ما ند
 گرچه آتش رفت اما دود در دیوار ما ند

т. е. „На память от нас в этом мире осталось много горя,
 Хотя огонь погас, но дым остался на стене“.¹

В этих словах горцы выразили все свои чувства и думы. По ним мы узнаем то, чего не писали в средневековой исторической литературе: о гнете и эксплуатации в этих краях, о недостатке хлеба, о голоде, о безземелии крестьян, о скитаниях на чужбине, тоске по дому и родным, по своей, обнищавшей родине.

Надписи примерно такого же содержания мы находим в других

¹ Стихи вырезаны на скале между кишл. Пахут и Шаватки-Поён. Цит. по „Дневнику.“

² Стихи вырезаны на скале по левому берегу Зеравшана против кишл. Шамтич, расположенного на правом берегу. Цит. по „Дневнику.“

горных районах Таджикистана. Например, на Западном Памире, суровая природа которого мало отличается от природных условий Матчи, на одном камне, находящемся в Шугнанском районе на территории кишл. Хоса, вырезано следующее четверостишие:¹

دارم علمى بگويم اى هم نفسان
بى آبى خاسه مرا كاهيش جان
از يك پدرى اگر دو فرزند شوند
در موسمى آب ديهى شوند دشمن جان

т. е. „Имею горе, скажу (вам), о собеседники,
Безводность Хоса погубила мою душу,
Если у одного отца имеются двое детей,
В сезон полива (они) станут врагами.“²

Среди прочих надписей на скалах и кайраках имеется несколько надписей нравственно-поучительного характера. Эти надписи призывают людей быть скромными. Об одной из них мы упоминали выше (стр. 155). Другая надпись, имеющая поучительный характер, вырезана на одной скале перед кишл. Шамтич, где мы читаем:

باده نوشيدن هشيار نشستن سهل است
گر بدولت برسى مست نگردي مردى

т. е. „Пить вино и оставаться трезвым—легко,
Если же ты, достигнув богатства, не опьянеешь
ты (действительно) мужчина“³.

На скалах и кайраках вырезано очень много стихов любовного содержания и надписей или стихов в память о резчике. В некоторых из них резчик сам подчеркивает, что он вырезал эту надпись именно для памяти о себе. Например, на скале между кишл. Похут и Шаватки-Поён мы читаем:

بكندم من درين سنگ يگانه
اگر پرسند كه آن مسكن كجاست
بماند از من مسكن نشانه
بكو بكريخت از دست زمانه

т. е. „Вырезал я (надпись) на этом единственном камне,
Чтобы осталась от меня, нищего, память.
Если спросят: „Куда делся тот нищий?“
Скажите: „Убежал от рук судьбы“.

Третья группа надписей—это надписи на могильных камнях—кайраках. В „Дневнике“ их списано 30, и нами снято 4 (одна встречает-

¹ Надпись скопирована, прочитана и передана нам ныне покойным научным сотрудником Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР З. Вахрамовым. По его словам, она вырезана за несколько лет до революции. Автор надписи жил еще в 30-х годах текущего столетия.

² Дехкане кишлаков, расположенных на склонах гор, при примитивности орудий производства были лишены возможности пользоваться для орошения своих полей водами рек, протекающих между горными хребтами. Например, жители Матчи и большинства кишлаков Фальгара не могли пользоваться водой р. Зеравшан, протекавшей по глубокому руслу между Туркестанским и Зеравшанским хребтами. Население пользовалось водой небольших горных потоков, берущих свое начало недалеко от орошаемых полей, и водой родников. Этой воды часто не хватало. Отсюда большая нужда в воде и борьба за нее, доходящая до споров и драк, не только между селениями и жителями одного селения, но даже между самими близкими людьми, членами одной семьи.

³ Цит. по „Дневнику“.

ся и в „Дневнике“ и у нас). Мраморных плит с надписями в верховьях Зеравшана не встречается. Единственная мраморная плита с надписью на узбекском языке, по „Дневнику“, имеется возле моста Ду-Пул между кишл. Ёри и Суджина (на территории современного Пенджикентского района).

Надписи с кайраков снимались, начиная от кишл. Варзи-Минор и вверх по Зеравшану до кишл. Самджон на территории Матчи примерно не доходя 40—50 км до Зеравшанского ледника. На этой территории они встречены были только в четырех кишлаках Матчи.—Оббурдон, Табушин, Ярм, Самджон и четырех кишлаках Фальгара—Варзи-Минор, Сангистан, Шамтич, Шаватки-Поён.

Некоторые кайраки со своих прежних мест были перенесены на мазары. На оббурдонском кладбище многие намогильные кайраки собраны в одну кучу.

Подробное описание среднеазиатских кайраков дается в работе профессора М. Е. Массона.¹ Мы здесь коротко остановимся только на некоторых особенностях кайраков в верховьях Зеравшана.

Как известно, в Средней Азии каменные намогильники с надписями первоначально имели вид кайраков, затем стали изготавливаться мраморные надгробия. Одной из причин отсутствия мраморных надгробий в Фальгаре и Матче является то, что в горах верховьев Зеравшана нет мрамора, а опасные горные тропы не позволяли привозить его из других районов Средней Азии. Отсутствие намогильных мраморных плит с надписями также отмечается в „Дневнике“.

Для намогильных кайраков выбирались обыкновенные валуны, употребляемые в их естественной форме. Большинство кайраков в Оббурдоне из темно-красного песчаника, очевидно, ввиду меньшей твердости его, облегчающей вырезание надписей.

В приложении к „Дневнику“ говорится, что в верховьях Зеравшана „над насыпью небольшой высоты, обыкновенно приходилось находить плоский гальковый камень до 1—3 пудов весом с углубленной надписью почерком сульс и редко когда куфи.“ Следует оговориться, что почерка куфи мы не встречали. Скопированные нами надписи имеют разные почерки, размеры, формы. Самая меньшая из них размером 9×21 см и самая большая—21×40 см.

Наиболее ранний из известных проф. М. Е. Массону „датированных кайраков, находящихся на кладбище таджикского селения Оббурдон в верховьях Зеравшана, помечен 459 г. х.“² (1066—1067 гг.). В 1915 г. проф. М. С. Андреев на кладбище того же сел. Оббурдон „видел следующие даты в надписях на намогильниках: 524 (1130), 608 (1211), 648 (1250) и др.“³

Наиболее ранняя дата на зафиксированных в „Дневнике“ кайраках из того же кишлака—604 (1207—1208 и самая поздняя—1175 (1761—1762). Из 23 датированных надписей на кайраках 19 вырезаны между 819 и 944 (1416—1417 и 1537—1538). Следовательно, XV и, особенно, XVI вв. были для Матчи и Фальгара временем более широкого распространения датированных надгробных надписей.

¹ М. Е. Массон, Среднеазиатские намогильные кайраки, Эпиграфика Востока, XI, 1956, стр. 3—13.

² Там же, стр. 10.

³ М. С. Андреев, Деревянная колонна в Матче. Изв. Российской академии истории материальной культуры, т. IV, Л., 1925, стр. 116. В архиве проф. М. С. Андреева, который хранится в Инст. истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР имеются тексты этих надписей, а также некоторых других. Общее число надписей, скопированных М. С. Андреевым, восемь.

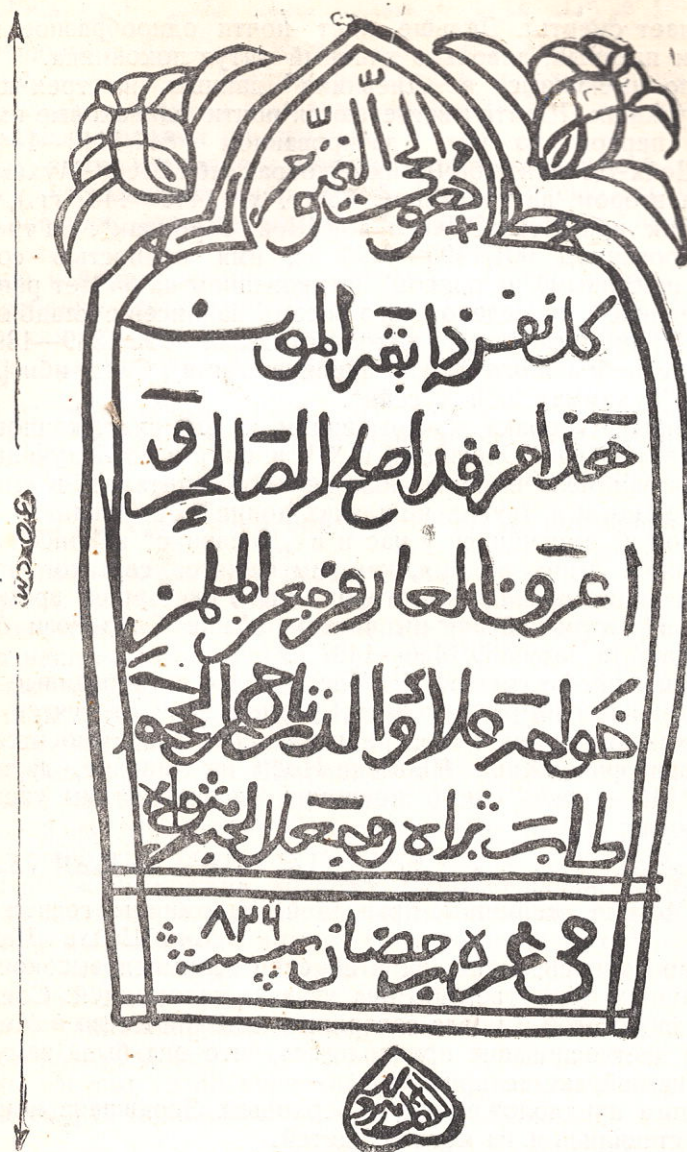


Рис. 39. Надгробная надпись с мазара кишл. Ярм (10 рамазан 826/18 августа 1423).

Под тремя из известных нам надписей на кайраках вырезаны имена, — очевидно, машшаков. На трех, кроме даты, даются месяцы. Например, на самой ранней из них мы читаем: „10 рамазана 826 г. х.“ (18 августа 1423 г.) (рис. 39); на второй — „Шайх Исмаил“ и дата „джи-мада 1, 850“ (25 июля—24 августа 1446 г.) на третьей — „Касим, зуль-хидджа, 904“ (10 июля—8 августа 1499 г.), на четвертой — „Ходжи-Мухаммед ибн Джалоладдин, 917“ (1511—1512 гг.).

Большинство кайраков с эпитафиями, очевидно, было изготовлено для лиц более почитаемых из числа мусульманского духовенства. Надписи на многих намозильных кайраках обычно начинаются следующими известными арабскими словами: كل نفس ذائقة الموت (Каждая

душа вкушает смерть). Дальше идет почти однообразное изречение из корана и пышный, довольно длинный титул покойника.

Судя по имеющимся в „Дневнике“ данным, на трех кайраках с кладбища у кишл. Шамтич встречаются почти одинаковые имена и титулы. На первом из них, датированном 846/1442—1443 г., мы читаем: „Шейх-Дехкан ибн Шейх-Муборак, ибн Шейх-Мухаммед шамтичи“¹. На втором, датированном 850 г. х. (1446—1447 гг.), написано „Шейх-Исхак ибн Шейх-Дехкан, ибн Шейх-Муборак“. На третьем кайраке, датированном 901/1495—1496 г., имя полностью совпадает с именем, написанным на первом, датированном на 65 лет раньше.

В „Дневнике“ приведено всего восемь надписей с кладбища кишл. Шамтич. Самая ранняя из них датирована 792/1389—1390 г.,² и на ней после небольшого титула приведено имя „Саид ибн Шейх Муборак, ибн Мухаммад, ибн Хусайн“.

Имя Шейх-Муборака, как мы видим из вышеизложенного, встречается четвертый раз. Очевидно, в XIV в. он, а в последующий период его потомки занимали высокое положение и почитались в кишл. Шамтич, а возможно, и в других кишлаках долины Зеравшана.

На одной из имеющихся у нас и в „Дневнике“ надписей с мазара кишл. Самджон вырезано имя, как нам кажется, светского правителя, о времени и месте правления которого мы в настоящее время не имеем данных. На этом кайраке мы читаем: „Амир Саид-Рози бин Камолдин-Ходжа“ и дату 839/1436—1437 г.³

По словам профессора М. Е. Массона, все датированные кайраки с женскими именами из разных мест Средней Азии относятся к XIV в.⁴ Кайрак с женским именем из верховьев Зерафшана относится к XVI в.

На территории кишл. Шаватки-Поён на кайраке, датированном 921/1515—1516 г. речь идет о женщине. Из надписи мы узнаем только имя ее отца:

قبر الضعيفة الصالحة حجاجه خاتون بنت مير شيخ شمتچی

т. е. „Могила женщины, праведной паломницы, госпожи дочери Мир-Шейха Шамтичи“.

Судя по надписи, женщина и ее отец занимали высокое положение в тогдашнем обществе, ибо она названа паломницей. Следовательно, она была богатой и могла совершить паломничество в Мекку. Слово „хотун“ дает основание предполагать, что она была замужем, но имя мужа на кайраке не приведено.

По нашим предположениям, в верховьях Зеравшана намогильные памятники ставились и на могилах детей.

В приведенной выше работе проф. М. Е. Массона мы читаем: „Кайраки, безусловно принадлежащие погребениям маленьких детей, не известны. Допустимо, однако, предполагать, что некоторые мелкие гальки, кроме одного имени не несущие религиозных формул и не сообщающие никаких иных данных о покойниках, предназначены были служить именно детскими намогильниками“.

В „Дневнике“ дано описание двух таких кайраков. Оба они с кладбища кишл. Оббурдон. На одном из них без всяких титулов написано:

¹ В последнем слове, по „Дневнику“, допущена ошибка: вместо „Шамтичи“ мы читаем „Шабтичи“.

² В „Дневнике“ дата надписи, данная словами по-арабски расшифрована не точно: вместо „792“ мы читаем „772“. Аналогичная ошибка допущена по отношению намогильника из кишл. Самджон.

³ Этот же кайрак в „Дневнике“ ошибочно датирован 902 (1496—1497 г.).

⁴ М. Е. М а с с о н, Среднеазиатские намогильные кайраки, стр. 7.

فرزند عزیز ارجمند سید قاسم ابن جلال الدین (Мой) любезный, благородный сын Сеид-Касим, ибн Джалололдин).

Надпись начинается распространенными на надмогильных памятниках арабскими словами и кончается годом (917 г. х.), который полностью выписан словами по-арабски.

Между ними вырезано рубои на таджикском языке, из которого выясняется, что мальчик умер весной. Под надписью мы читаем полное имя, очевидно, отца мальчика: „Ходжи-Мухаммед, ибн Джалололдин“.

Другой кайрак с надписью, который, на наш взгляд, был исполнен для ребенка, датирован 935 г. х. (1528—1529 гг.). На этом кайраке никаких титулов нет и на арабском языке вырезано всего два слова: هو حی (Он живой). Остальная часть надписи—это элегия (из 16 строк) на таджикском языке.

Надпись сделана, очевидно, по поручению отца, который в элегии называет ребенка گل نورسته باغ ارم (свежим цветком сказочного сада), نوربهرم (свет очей моих) и т. д. Из последней строки надписи мы узнаем только имя ребенка—Абул Фатх.

Проф. М. Е. Массон пишет, что „эпитафии на кайраках выполнялись исключительно на арабском языке“.¹ Такое утверждение опровергается нашими материалами. Согласно записям „Дневника“, среди надмогильных кайраков встречаются надписи на двух языках—на арабском и таджикском. О существовании в Средней Азии двуязычных надписей на кайраках мы знаем по ранее опубликованным работам А. Ю. Якубовского, О. И. Смирновой и В. Д. Жукова.² Ранее известные камни с двуязычными надписями были обнаружены в низовьях Зеравшана и на территории Самарканда. По нашим материалам, они имелись в довольно большом количестве и в верховьях Зеравшана. Надмогильных кайраков, на которых, помимо надписей на арабском, имеются надписи и на таджикском языке или же только на таджикском языке, мы насчитали десять. Некоторые из них без даты. Самая ранняя из датированных двуязычных надписей относится к 792—1389—1390 гг. самая поздняя—к 1175/1761—1762 г.

Один из таких кайраков в кишл. Сангистан (Фальгар) с двуязычной надписью, датированной 844/1440—1441 г. начинается и кончается арабскими словами, а по середине на таджикском языке вырезан месяц и год смерти покойника.¹

شد واقع وفات مولانا محمد خطیب در وقت عصر
هفدهم ماهی مبارک رمضان من شهر سنه ۸۴۴

¹ М. Е. Массон, Среднеазиатские надмогильные кайраки, стр. 6.

² А. Ю. Якубовский, Итоги работ Согдийско-Таджикской археологической экспедиции в 1946—1947 гг., Тр. СТАЭ, т. 1, МИА, № 15, М.—Л., 1950, стр. 21; О. И. Смирнова, Историческая топография верхнего Зеравшана Тр. СТАЭ, т. 1, МИА, № 15, М.—Л., 1950, стр. 62. Оба автора сообщают сведения о двуязычной надписи на одном кайраке, датированном 834—1430—1431 г. По словам А. Ю. Якубовского, этот кайрак находится в кишл. Урмитан, в гузаре Нисп на могиле Мир-Саид-Ахмед-хана. О. И. Смирнова в своей работе, говоря об этом кайраке, называет тот же гузар, имя того же покойника, но помещает гузар Нисп в кишл. Исходар. В настоящее время мы не имеем возможности уточнить местоположение этого кайрака. В. Д. Жуков, Кайрак с двуязычной надписью 574/1178 г., Эпиграфика Востока, XI, М.—Л., 1956, стр. 30—32.

³ Цит. по „Дневнику“.

т. е. „Случилось время смерти Мавляно Мухаммед-хатиба в предвечернее время 17 числа счастливого месяца (дальше на арабском языке) рамазана в месяц года 844“ (11 февраля 1441 г.). Как упоминалось выше, на кайраке с мазара Оббурдон, кроме двух арабских слов, остальные 16 строк вырезаны стихами на таджикском языке. Вообще, кроме упомянутого случая о времени смерти Мавляно Мухаммед-хатиба, остальные таджикские надписи вырезаны в стихах. Обычно они следуют после арабских слов, только в одном случае арабские слова написаны после таджикских стихов—на кайраке с кладбища кишл. Шамтич, датированном 1175/1761—1762 г.

В двух случаях стихи вырезаны на таджикском языке без единого арабского слова. Обе надписи без даты. Одна из них находится в кишл. Шаватки-Поён, другая—в Оббурдоне.

Таджикские надписи на большинстве надмогильных кайраков не имеют религиозного содержания. В них, зачастую в стихах, выражено горе, сожаление и любовь родных к покойнику. Например, на двух кайраках на кладбище сел. Оббурдон и Шамтич мы читаем:

ای سومه چشم یار خاک راهت
در جنت فردوس خرد گاهت
هربرک گل لاله که از خاک تو روید
نقشست ز رخسار مهوش ماهت

т. е. „О! Сурьма на глазах возлюбленного—да будет землею
на твоём пути,

Твой разум да будет в райском саду,

Каждый лепесток тюльпана, который вырастет над твоей

могилой (буквально—на твоей земле),—

Это изображение твоего луноподобного красивого лица“.

Или:

گل غنچه شکفته در فصل بهار
برمن ز کناهی وزد صبح بهار
چون تیر و فارود از این عالم دون
ناچار بخاک تیره کردی قرار

т. е. „Буто́н цветка раскрылся весной,

О грехах напоминает мне утро весны.

Верность подобно стреле покидает этот ничтожный мир,
Поневоле ты нашел покой в мрачной земле.“¹

Намогильные кайраки из верховьев Зеравшана по своему внешнему оформлению во многом схожи с опубликованными ранее среднеазиатскими кайраками. Надписи на них украшены заставками из изогнутых линий, текст заключен в рамки, часто встречаются элементы растительного орнамента, а также „крестики“, по словам проф. М. Е. Массона, „не раз уже вводившие в заблуждение малоопытных лиц, пытавшихся видеть в них отражение христианской символики“² (например, описанный выше кайрак из кишл. Ярм в Матче) (рис. 39).

Как мы отметили в начале настоящей статьи, в „Дневнике“ имеется ряд ошибок и неточностей, причины допущения которых неясны.

¹ Стихи на кайраке с кладбища кишл. Шамтич датированы 893 1487—1488 г. Цит. по „Дневнику“.

² М. Е. Массон, Среднеазиатские надмогильные кайраки, стр. 6.

Эти ошибки часто встречаются в правописании арабских слов, в неправильном употреблении однозвучных арабских букв (س и ص, ح и ه, и т. д.) Например: الفصحا вместо الفصحاه; الحجره вместо الحجره; انصاب вместо انساب; يموت вместо يموة; دولت вместо دولته; الهجره и т. п. Подобного рода ошибки встречаются почти во всех надписях, списанных в „Дневник“.

Следует отметить, что сравнение с „Дневником“ текста одной осмотренной нами надгробной надписи из кишл. Самджон (в Матче) дает основание считать, что автор „Дневника“ допускал ошибки при чтении надписей. Так, например, вместо الغر мы читаем غر; вместо من написано مير или же في повторяется два раза. Помимо того, в „Дневнике“ мы находим слова, отсутствующие в подлиннике. Так, после имени покойника „Амир-Сеид-Рози, бин Камоладдин-ходжи“ у автора „Дневника“ стоит слово „Табризи“, которое на нашем эстампаже отсутствует.

Зеравшанские надписи, несомненно, представляют большой интерес для филологов, занимающихся историей таджикского языка. Поэтические выдержки надписей на скалах, кайраках, на стенах и потолках разных помещений в верховьях Зеравшана представляют ценный материал для фиксации литературных памятников XV—XVI вв. и последующего времени. Они являются пережитками своеобразной литературной традиции горных таджиков, идущей с давних времен.

По этим надписям можно будет уточнить ряд исторических событий, имевших место на территории Матчи и Фальгара в средние века и не нашедших отражения в письменных источниках. Следовательно, они имеют значение и как исторический источник.

Обнаружение большого количества надписей обязывает нас к организации специальной экспедиции в верховья Зеравшана для проверки и уточнения надписей, известных по „Дневнику“, веденному около 90 лет назад во время Искандеркульской экспедиции, и для выявления новых. Выявление новых надписей на скалах, кайраках и т. п. имеет большое значение для изучения средневековой истории и культуры таджикского народа. Они могут дать богатый историко-экономический и лингвистическо-палеографический материал.
